

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В. Н. Черковец¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

«НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ»

ДЖ. К. ГЭЛБРЕЙТА

В статье рассматривается своеобразная концепция конвергенции капитализма и социализма известного американского (США) экономиста и социолога Дж. К. Гэлбрейта в связи с 50-летием выхода в свет его известной в мире книги «Новое индустриальное общество», актуальность которой вызвана назревшими проблемами осуществления новой индустриализации экономики, в том числе и особенно в России. Доказывается незавершенность «эпохи индустриального общества» не только в середине прошлого века, но и в наступившем столетии. Концепция Дж. К. Гэлбрейта сравнивается с теориями экономического развития капитализма Й. Шумпетера и Дж. М. Кейнса. Критически анализируется эволюция взглядов Дж. К. Гэлбрейта, его трактовка «нового социализма», пришедшего, с его точки зрения, в индустриально развитые страны Запада и Японии. Предлагаются размышления о сущности новой индустриализации, ее специфике и задачах в России.

Ключевые слова: конвергенция, новая индустриальная экономика, корпорации как господствующая организационная форма производства, техноструктура, рыночная и плановая системы, «старый» и «новый социализм», деиндустриализация, общие и особенные причины новой индустриализации в России.

J. K. GALBRAITH'S NEW SOCIALISM

The article studies the original conception of convergence of capitalism and socialism proposed by well-known American (USA) economist and sociologist John Galbraith in connection with 50-th anniversary of publishing his world-wide known book «The New Industrial State», which actuality is connected with current problems of implementation the newly industrialization of economy, including – and especially – in Russia. The article proves that the «epoch of industrial state» has not been finished yet neither in the middle of last century, nor in our century. The Galbraith's conception is been compared with J. Schumpeter's and J. Keynes's theories of economic development of capitalism. The article gives critical analysis of the evolution of Galbraith's views, his explanation of «new socialism», which, according to Galbraith's point of view, has come to industrially developed western

¹ Черковец Виктор Никитич, д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник кафедры политической экономики экономического факультета; e-mail: cherkovets@econ.msu.ru

countries and Japan. There are also suggested some thoughts about the content of the newly industrialization, as far as it's special features and tasks in Russia.

Key words: convergence, newly industrial economy, corporations as dominant form of organizing of production, technostructure, market and planning systems, «old» and «new socialism», deindustrialization, general and special reasons for the newly industrialization in Russia.

Эпоха «индустриального общества» продолжается

Многолетний застой экономики России с бесконечным метанием представителей размышляющих и практикующих экономистов и управленцев в поисках выхода из тупика¹ [Аганбегян, 2017, с. 16]. Надоевшие скандальные телешоу, столь же кричащие радиодиспуты, почти не прерывающийся поток амбициозных форумов повторяют друг друга и по тематике, и по аргументам, и по отсутствию глубины идей с беспартийными претензиями, как правило, на истину в последней инстанции. Складывается впечатление, что нет в отечестве ни конкретных государственных доктрин видения долгосрочного развития и пространственного размещения производительных сил, модернизации общественно-производственных и институционально-хозяйственных отношений, ни философской общетеоретической прогнозной концепции с общенациональной стратегической целью продвижения страны к определенному историко-формационному и цивилизационному рубежу. В связи с этим в научных кругах возрастает интерес к теоретическому наследию выдающихся теоретиков прошлого, изучавших экономическую систему капитализма от ее истоков до новейшего времени, когда капитализм достиг высшей стадии своего развития и вошел в состояние своего общего кризиса, выразившегося в двух мировых войнах XX в. и в углубляющемся расколе мирового капиталисти-

¹ Правда, некоторые экономисты отрицают хронический «застой» в экономике России, ссылаясь на восходящий тренд постсоветского периода. А вот акад. А. Г. Аганбегян в своем докладе в РАНХиГС и в статье «Как нам преодолеть стагнацию» (ж. Вольная экономика. 2017. № 1. С. 16) говорит о том, что «мы уже четвертый год находимся в состоянии стагнации и рецессии... Если взять объемные показатели: валового продукта, промышленности, сельского хозяйства, то можно говорить и о двадцатипятилетнем застое, потому что нынешний уровень очень близок к уровню 1990 года». К 1915 г. «технически и технологически почти вся обрабатывающая промышленность осталась на уровне 90-х годов прошлого века» [Пороховский, 86]. Данные Госстата от 24.11.2017 подтверждают, что нет заметных признаков выхода на «восходящий тренд» ни в 2016 г., ни в завершающемся 2017 г.: производство ВВП снизилось в 2016 г. на 1,2%, а за I полугодие 2017 г. выросло на 1,5% [http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lsswww.exe/Stg/d02/181.htm]. Обновленные данные <http://www.gks.ru> 29.06.2017 показывают явно застойную динамику реальной среднемесячной начисленной заработной платы в 2014, 2015 и 2016 гг.: 101,2, 91,0, 100,8 соответственно в процентах к предыдущему году по Российской Федерации, а по ряду федеральных округов она еще хуже.

ческого хозяйства на две системы — растущую новую, социалистическую и остающуюся «сжимающуюся» часть прежней капиталистической системы. В условиях противостояния двух систем пристальное внимание ученых-обществоведов, в том числе теоретиков-экономистов, как с той, так и с другой стороны привлекали, естественно, процессы внутренней динамики противоположных систем. Главный интерес вызывал вопрос о трендах дальнейшего развития их социально-экономических устройств на почве развертывающегося научно-технического прогресса, т.е. о тенденциях изменений в области общественно-производственных и хозяйственно-институциональных отношений, в социальной сфере, в системе организации и управления экономикой и т.д. А в связи с этим актуализировалась и проблема сравнительного анализа векторов развития обеих систем: углубление, стабилизация или ослабление их различий вплоть до их сближения, интеграции и даже слияния — *конвергенции*. Дж. К. Гэлбрейт — видный представитель этой концепции.

Понятие конвергенции применяется в разных науках, как естественных, особенно в биологии, так и общественных, отражая специфику их объекта-предмета. Появление идеи конвергенции *капитализма и социализма* в экономической науке обычно связывается со вторым этапом периода общего кризиса мировой капиталистической системы и с именем известного социолога — российского эмигранта, бывшего правого эсера П. Сорокина. Такая концепция появилась после того, как социализм (с теми или иными погрешностями) не только стал реальностью, но и вышел в числе победителей из Второй мировой войны, явившись центром формирования мировой социалистической системы. Социализм после войны стал активным участником борьбы и серьезным соперником в соревновании за научно-технические достижения в развернувшейся в 50-х гг. современной научно-технической революции. Только тогда интеллектуальная элита капиталистического Запада, отталкиваясь от социально-философской концепции П. Сорокина — профессора Гарвардского университета, почувствовав угрозу успехов социализма, обратилась к *спасительной*, как им казалось, для капитализма идее его конвергенции с социализмом.

Джон К. Гэлбрейт — известный представитель этой теории, юбилею всемирно известной книги которого «Новое индустриальное общество» (1967 г., русс. изд. — 1969 г.) недавно (в 2017 г.) были посвящены научные конференции, статьи в научных журналах и средствах массовой информации России.

К юбилею книги Джона К. Гэлбрейта Санкт-Петербургский институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте выпустил коллективную монографию «Гэлбрейт: возвращение» под редакцией, с предисловием и статьей С. Д. Бодрунова и введением, написанным сыном Гэлбрейта — американским профессором Джеймсом К. Гелбрейтом (Куль-

турная революция, Москва, 2017). Все авторы высоко оценивают забытый в годы реставрации капитализма в России труд Гэлбрейта, указавшего полвека назад на новый этап объективного процесса дальнейшей индустриализации экономики в индустриально развитых странах на почве достижений современной, как тогда говорили, научно-технической революции — НТР. Дальнейшее осмысление сущности данного этапа выразилось, как известно, в многообразии его определений в научной и политической литературе при посредстве понятий «информационная экономика», «новая экономика», «инновационная экономика», «экономика знаний», «постиндустриальная экономика», «новый этап индустриального развития» и др. Развернулись дискуссии в борьбе за истинность этих определений между их сторонниками, не находившими путей к консенсусу между разными аспектами развития производительных сил как единого целого или между их настоящим и предполагаемым будущим состоянием. Хотя книга Гэлбрейта посвящалась анализу изменений в капиталистической, а не в какой-то иной экономической системе 60-х гг. прошлого века, его выводы в этих дискуссиях и размышлениях фактически не принимались в расчет научным сообществом и высшими управленческими кругами в силу, полагаю, доминирования в современной России ультралиберальных мировоззренческих позиций *laissez faire* в отношении роли государства в рыночной экономике. Парадокс состоит в том, что эти позиции, адекватные периоду домонополистического капитализма, прилагаются к монополистическому капитализму, в природе которого — подчинение государства финансовому капиталу, развитие кредитно-денежных отношений, непомерный рост паразитического фиктивного капитала, новых превращенных форм его существования и движения. Когда Гэлбрейт писал свою книгу, он, конечно, видел все эти новые по отношению к капитализму свободной конкуренции XIX в. явления, разрастающиеся после Второй мировой войны на послевоенном этапе общего кризиса капитализма. Знаком он был, разумеется, и с доктриной *Дж. М. Кейнса*, представшего в своей не менее (если не более) знаменитой книге «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) указать путь и средства спасения капитализма от угроз его собственных противоречий, порождающих все углубляющиеся циклические кризисы капиталистического воспроизводства. Кейнс считает, что его теория вступает в силу, когда нарушается нормальный ход общественного воспроизводства, регулируемого законами рынка. Нормализация же обстановки возвращает действие смитовской «невидимой руки». Успокаивая своих испуганных критиков, Кейнс пишет: «...Если наша система централизованного контроля приведет к установлению общего объема производства, настолько близкого к полной занятости, насколько это вообще возможно, то с этого момента классическая теория (*имеются в виду неоклассики*. — Автор статьи) вновь при-

обретет силу» [Кейнс, с. 453]. Ясно, что ни о какой идее конвергенции капитализма и социализма здесь и намека нет. Вводя в свою модель элемент государственного регулирования рыночной экономики, Кейнс полемизирует с неоклассикой, при этом сохраняя и защищая все устои капиталистического хозяйствования и не апеллируя к принципам плановой экономики¹. Он не заметил или не хотел в силу своего мировоззрения заметить тот фундаментальный процесс, который открыли в XIX в. основоположники марксизма и который стал для них и их последователей в разных странах объективной основой научной разработки учения (теории) о социализме («научный социализм»), — *обобществление материального производства* на базе техно-технологического и организационного развития производительных сил. Напротив, Гэлбрейт не только заметил этот процесс, но сделал его, не прибегая к марксистской риторике, центром своих социально-экономических исследований современного ему общества. От Кейнса в порядке научной преемственности в арсенал его изысканий, можно сказать, вошла только идея о необходимости вмешательства государства в экономический процесс. Но если у Кейнса это вмешательство в виде макроэкономического *антикризисного* регулирования производства в рыночной экономике через *совокупный спрос* происходит как бы в экстраординарных случаях, то у Гэлбрейта эта идея получила дальнейшее развитие, указывая на необходимость *постоянства* такого регулирования как закономерность движения современного капитализма. К сожалению, он не ставит и не раскрывает в своей книге вопрос об отношении своих взглядов на эволюцию капитализма к доктрине Дж. Кейнса как с точки зрения преемственности, так и возможной полемики с нею. В тексте (во всяком случае, в русском переводе издания 1969 г.) нет ее разбора, имеются лишь краткие упоминания, а в «Предисловии» сообщается об использовании Кейнсом работы его коллеги по Кембриджу проф. А. С. Пигу. Между тем книга Гэлбрейта вышла в период приоритета кейнсианства в западной экономической мысли теории

¹ Отношение Кейнса к капиталистической системе четко характеризует в своей книге нобелевский лауреат кейнсианец П. Кругман: в годы великого кризиса 30-х гг. «Кейнс утверждал, что капитализм вовсе не обречен и требуется лишь очень небольшое вмешательство в его конструкцию, чтобы система заработала. Это вмешательство оставит в основном частную собственность и право принятия решений в прежнем виде». «У нас проблема вроде той, — цитировал он Кейнса, — когда барахлит магнето». Необходим запуск от внешнего источника — государства» [Кругман, с. 162]. *Причину периодических кризисов Дж. Кейнс не искал в глубинах системы.* Он видел ее в очевидном, эмпирическом факте отставания спроса от предложения товаров и в соответствии с этим выдвинул концепцию «эффективного спроса». Согласно этой концепции мерой, предупреждающей кризис, является осуществление активной государственной бюджетной и кредитной политики, использование сбережений населения для инвестиций в производство (новое магнето!).

«неоклассического синтеза» и ее включения в учебники П. Самуэльсона («Экономикс»), влияния кейсианства в период 30-х — до середины 70-х гг. на экономическую политику главных стран капиталистического мира. Книга Гэлбрейта — не по истории экономической мысли, но давней традицией научных изданий являются ссылки и оценки концепций своих предшественников в исследовании проблем того же или близкого круга. Фактически малозамеченным остался крупнейший австрийский, а впоследствии американский экономист с мировым именем *Й. Шумпетер*, хотя по своим выводам о судьбах капитализма в его соотношении с социализмом последний ближе к прогнозам Гэлбрейта, чем Кейнс. Я имею в виду прежде всего его две книги, которые в этом, 2017 г., столь же актуальны и достойны юбилейного признания: 105-летие «*Теории экономического развития*» (1912) и 75-летие другой его известной более поздней работы «*Капитализм, социализм и демократия*» (1942). Из этих монографий Й. Шумпетера вытекают две связанные, но не совпадающие и даже, как показывает пример венгерского экономиста Я. Корнаи, способные противостоять друг другу фундаментальные концепции: а) концепция динамического, исключительно инновационного развития экономики с движущей силой в лице новаторского предпринимательства индивидуального капиталиста и б) концепция самоупреждения капитализма на высокой ступени концентрации и централизации производства («индустриальные гиганты») и капитала (акционерные компании). Вторая концепция подводит Й. Шумпетера к прямому признанию *социализма*, создаваемого самим капиталистическим способом производства руками его «капитанов». Истинными провозвестниками социализма были, считает Й. Шумпетер, не интеллектуалы и не агитаторы, которые его проповедовали, но Вандербильты, Карнеги и Рокфеллеры. Главное же, за что Й. Шумпетера игнорирует мейнстрим, состоит в том, что он увидел и обосновывал процесс *самоустранения этой системы*, пришел к выводу об ее *невечности* в силу постепенного исчезновения предпринимательско-новаторского класса. Эту позицию Шумпетера лучше передать его же словами из второй книги «Капитализм, социализм и демократия», глава XII «Разрушение стен», конец 1-го параграфа с многозначительным названием «Отмирание предпринимательской функции». Шумпетер, рассматривая корпоративный процесс на базе акционерной собственности, увидел в нем самоликвидацию капитализма как экономической системы, ее уход с исторической сцены и приход какого-то варианта «рыночного социализма» со смешанной экономикой. «Поскольку капиталистическое предпринимательство, — написал он в книге «Капитализм, социализм и демократия», — в силу собственных достижений имеет тенденцию автоматизировать прогресс, мы делаем вывод, что оно имеет тенденцию делать самое себя — рассыпаться под грузом собственного успеха. Совершенно обюрократившиеся

индустриальные гиганты не только вытесняют мелкие и средние фирмы и «экспроприируют» их владельцев, но в конечном счете вытесняют также и предпринимателя и экспроприируют буржуазию как класс, который в этом процессе рискует потерять не только свой доход, а что гораздо более важно, и свою функцию¹. Чуть ли не страницы из первого тома «Капитала» К. Маркса с той лишь разницей, что у Маркса это пока лишь переходная форма!

Универсальный обществовед

На Западе Гэлбрейта считают не экономистом, а *социологом*. Тем самым создается формальный повод выноса его специализации за пределы мейн-стрима экономической науки, невидимости и неизбрания нобелевским лауреатом по экономической номинации. Действительная же причина такой его квалификации лежит в концептуальной области, в его понимании процесса социализации современной капиталистической экономики, идущего на базе научно-технического, технологического и организационного прогресса, хотя Гэлбрейт, как верно замечает С. Д. Бодрунов в упомянутой книге, «не переходит меры, не требует качественной ломки... существующих институтов» [с. 6], т.е. остается, как и Кейнс (и, судя по всему, и сам автор этих слов — редактор книги), на почве современной системы капиталистического хозяйствования. Думаю, что прежде чем перейти к рассмотрению главной концепции Гэлбрейта по существу, имеет смысл точнее определить его специализацию как ученого-обществоведа, его отношение к экономической науке как особой отрасли научного знания.

В советской научной и учебной литературе научный жанр Гэлбрейта характеризовался по-разному, неоднозначно. В обширной вступительной статье к первому изданию книги «Новое индустриальное общество», изданной по инициативе ИМЭМО АН СССР в 1969 г., акад. Н. Н. Иноземцев, д.э.н. С. М. Меньшиков, член-корр. А. Г. Милейковский, весьма высоко оценивая исследование Гэлбрейта, характеризуют его — в отличие от западных коллег — как «крупного буржуазного политэконома» [Гэлбрейт, с. 18]. Принадлежность Гэлбрейта к *политической экономике* безоговорочно не раз упоминается в статье, не забывая при этом о ее буржуазном характере, критическом отношении к ее марксистской ветви и практике советского социализма. Однако с несколько иных позиций отнеслась к определению предмета научных изысканий Гэлбрейта Энциклопедия «Политическая экономия» под ред. акад. А. М. Румянцева. Во томе 2, выпущенном в 1975 г., в двух статьях отдельно показаны «Индустриальная

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. — М.: Экономика, 1995. — С. 187.

социология» как «одно из направлений современной буржуазной социологии» и «Индустриального общества теория» как «современная буржуазная экономическая теория» [Энциклопедия «Политическая экономия», с. 24–26, 26–27]. Гэлбрейт отнесен к представителям *экономической* теории, причем первым, наряду с Р. Ароном, У. Ростоу, С. Кузнецом, и не указан в числе представителей социологии. Таким образом, Энциклопедия признает Гэлбрейта в сообществе экономистов и, более того, находит его причастность к *политической экономии*, между тем в галерее статей 2-го тома о персоналиях — политэкономах мы не находим отдельной статьи о Гэлбрейте, хотя менее известные фигуры представлены в специальных статьях. Причем Энциклопедия относит труды Гэлбрейта к политической экономии не прямо, а через *институционализм* как особое «*течение в буржуазной политической экономии, возникшее в конце XIX — I-й половине XX в. и основанное преим. на неэкономическом истолковании сущности и движущих сил экономич. процессов капитализма*» [Энциклопедия, т. 2, с. 28] (Курсив мой. — Автор). Такой подход институционализма, частично верно отмеченный Энциклопедией, к анализу экономики неприемлем не только для марксистской политической экономии, но и дает повод представителям экономической науки (не только политической экономии разных направлений) относить институционализм (а значит, и Гэлбрейта) к области социологии. Этому вопросу коллектив авторов экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, работавший во второй половине 80-х гг. до 1998 г. с участием ученых АН СССР и ряда вузов Москвы над созданием по договору с известным, престижным издательством «Мысль» шеститомной «Всемирной истории экономической мысли» (далее ВИЭМ) [Всемирная история экономической мысли, том 5], творчеству Дж. Гэлбрейта уделил значительное внимание, в том числе и с целью разобраться с оценками его научной специализации. Только ссылок на его взгляды как ученого можно найти на 18 страницах в разных местах 5-го тома ВИЭМ [«Теоретические и прикладные концепции развитых стран Запада (послевоенный период)», с. 505]. После дискуссий и консультаций на кафедре истории народного хозяйства и экономических учений с участием сотрудников Института экономики, ИМЭМО АН СССР, членов авторского коллектива главная редколлегия проекта и редколлегия 5-го тома квалифицировали Гэлбрейта как виднейшего представителя «*институционально-социологического направления в политической экономии*». Такое определение было принято как условно-компромиссное. Истоки этого направления надо искать не у российского П. Сорокина, а у американского Т. Веблена, мировая известность которого как ученого в наибольшей мере связана с изданной также в СССР книгой «Праздный класс» и не изданной на русском языке книгой «Абсентеистская (т.е. исчезающая) собственность» (1923), в которых заложены идеи

объективного процесса, связанного с развитием акционерных компаний, самоликвидации капиталистических отношений вместе с классом капиталистов-собственников. Первые известные последователи вебленовского направления институционализма — американцы У. Гамильтон, Дж. Комменс, У. Митчелл. Вторая волна этого направления появилась после Второй мировой войны и не только в США, но и в Европе, где его возглавил француз Ф. Перру¹. В данном направлении выделились по своим акцентам две концепции, обозначенные в ВИЭМ как теории: 1) *трансформации капитализма* (Г. Минз, Дж. М. Кларк, С. Кузнец) и 2) *технологического детерминизма*, который как принцип экономического исследования в своих работах взяли на вооружение Дж. Гэлбрейт и Р. Хейлброннер. Методология «технологического детерминизма», увязывающая эволюцию капитализма с развитием производительных сил — техникой, технологией, организацией производства, — усиливает *политэкономический* характер этой концепции. Однако учебное пособие «История экономических учений», выпущенное в 2000 г. коллективом Высшей школы экономики ГУ-ВШЭ под ред. В. С. Автономова и др., вопрос об отношении Гэлбрейта, как и вообще институционализма, к политической экономии обходит. Вместе с тем, характеризуя его как «сформировавшегося экономиста» периода Нового курса Д. Рузвельта и ставшего «яркой фигурой институционализма» вебленовской традиции, авторы книги считают это направление альтернативным по отношению к «основному течению» современной экономической мысли, находящимся на ее «левом фланге» [Автономов, Ананьин, с. 326, 706]. По мнению авторов, только новый (невебленовский) институционализм «смыкается» с мейнстримом, вне которого оказывается и Гэлбрейт².

Неоднозначность суждений в разных изданиях по поводу идентификации научного творчества Гэлбрейта в системе общественных наук позво-

¹ В 5-м томе ВИЭМ ко второй волне институционализма применен термин «неоинституционализм». Поскольку таким названием впоследствии стало пользоваться еще одно новое и сегодня распространенное течение институционализма, имеющее, скорее, прикладной характер, пользующееся методологией неоклассической теории, собственными методами анализа и собирающее «под одной крышей» ряд теорий, прилагаемых не только к экономике, но и к другим сферам жизнедеятельности общества, считаю целесообразным во избежание путаницы понятий внести уточнение в название второй волны институционализма вебленовской традиции и в дальнейшем не применять к ней термин «неоинституционализм». Уже развивается *третья волна* вебленовского институционализма — «новое поколение»: Дж. Ходжсон, У. Скрепанти и др. [Худокормов А. Г. История экономических учений. — М.: ИНФРА-М, 1998. — С. 265]. Во избежание путаницы понятий ее также не следовало бы относить к «неоинституционализму».

² По поводу различий между «изначальным» и новым институционализмом и отнесения Гэлбрейта к первому нельзя не отметить интересные размышления А. И. Московского в его статье, опубликованной в упомянутой книге «Гэлбрейт: возвращение», с. 349–365.

ляет сделать вывод об *универсальности* его как ученого-обществоведа. Он, конечно, *социолог*, как в большинстве случаев принимают его на Западе, и для этого есть некоторые основания. Но не только Гэлбрейт из политэкономов не чужд *социальной философии и политологии*. Однако в главном он *экономист-политэконом и институционалист вебленовской школы*. Если применить к нему «систему координат» классификатора российского ВАК, то его работы могут быть размещены в разных *отраслях науки* и прежде всего в экономической отрасли *по специальности* «экономическая теория», а внутри ее — *в области «общей экономической теории»* под рубриками № 1 «Политическая экономия» и № 4 «Институциональная и эволюционная экономическая теория». Аргументы в пользу политэкономической составляющей квалификации Гэлбрейта в наибольшей степени содержатся, на мой взгляд, в его главной концепции.

Главная концепция Джона К. Гэлбрейта и ее эволюция

Методология концепции «нового индустриального общества», основные элементы и в общих чертах логическая структура его экономической системы разработаны Гэлбрейтом на материалах США 60-х гг. Это годы относительно стабильного функционирования их экономики, достижения высшей, можно сказать, точки реализации идей кейнсианства в экономической политике этой страны. Сын Гэлбрейта Джеймс Гэлберт писал, что публикация «Нового индустриального общества» пришлось на расцвет американского кейнсианства». Опираясь на достигнутый уровень техно-технологического развития и сложившуюся организационную структуру хозяйствования американского монополистического капитализма, Гэлбрейт ставил своей главной задачей — показать *доминирующую роль крупных корпораций*¹ в происходящей трансформации капитализма вообще как общественно-экономического строя, включая политическую и идеологическую сферы, и на этой основе выйти на главный результат — *собственную концепцию конвергенции капитализма и социализма*. В этом альфа и омега его научной и практической деятельности и вместе с тем критерий предоставления ему места в мировой галерее

¹ А. А. Пороховский в статье «Роль и судьба корпораций» (см. «Гэлбрейт: возвращение», часть 2 «План, рынок и корпорации: 50 лет спустя») подсчитал со ссылкой на источники данных, что в 2013 г. корпорации в экономике США составляли 17,6% общей численности предприятий, но на их долю приходилось 81,2% всего делового оборота, 62,9% чистой прибыли, а 500 крупнейших из них давали 67% ВВП США в 2015 г. Для сравнения: на долю 400 крупнейших компаний России в том же году приходилось (Эксперт. 2016. № 43. С. 78, 80) 76,3% ВВП страны (указ. соч. С. 166, 167). Это значительно выше индикатора США, что, на мой взгляд, дает дополнительный повод для обсуждения вопроса об актуальности и возможности приложения главной концепции Гэлбрейта к условиям современной капиталистической России.

политэкономов, чего нельзя сказать о П. Сорокине, хотя их объединяет немарксистское направление в обществоведении. К сожалению, политэкономическая составляющая научного наследия Гэлбрейта не выделена имплицитно в риторике авторов упоминаемой юбилейной книги о нем (впрочем, как и у него самого), хотя фактически эта квалификация показана. И это важно с точки зрения постановки вопроса не только о подъеме и расширении научных исследований в области политической экономики, но и о возвращении ее как учебной дисциплины в российский образовательный процесс.

В характеристике современного капитализма Гэлбрейт отправляется, по существу, от состояния и тенденции его развития, которые отметили еще К. Маркс в 3-м томе «Капитала» (изд. 1894 г.), Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (1978 г.), Р. Гильфердинг (1912 г.), В. И. Ленин в «Империализме как высшей стадии капитализма» (1916/1917 гг.). Речь идет о достижении на базе техно-технологических инноваций уже тогда высокого уровня обобществления капиталистического производства, концентрации и централизации капитала, образовании акционерных корпораций, составлявших уже задолго до и после Второй мировой войны главнейшую, господствующую форму капиталистического предпринимательства. Таким образом, нет оснований открытие этой формы, определение современного капитализма как корпоративного относить на счет Гэлбрейта. Его заслуга состоит в том, что он, в отличие от лагеря либералов, от всех течений «мейнстрима»: 1) понял и признал объективный характер этого процесса; 2) показал его состояние на современном этапе как «новое индустриальное общество», характеризующееся средоточием крупных корпораций, порожденных и функционирующих на базе «индустриальной системы»; 3) связал, в отличие от Й. Шумпетера, тренд *продолжения существования и совершенствования капитализма* через, в отличие от Дж. Кейнса, *трансформацию его экономической системы* на базе дальнейших качественных изменений в материально-технической основе производства. Экономическую систему капитализма как целое Гэлбрейт делит на две части — «планирующую систему» и «рыночную систему», т.е. видит ее как вариант «смешанной экономики», основанный на частной собственности и интерпретируемый им как *форма конвергенции капиталистической и социалистической экономик*. Высказывания видных западных теоретиков-экономистов немонетарного направления о конвергенции капитализма и социализма, близкие к Гэлбрейту, были известны до него (например, Я. Тинберген, П. Самуэльсон). Но, как и у других сторонников теории конвергенции, его концепция имеет свои нюансы. Так, Гэлбрейт в качестве одного из доказательств преимуществ корпоративной организации предприятия перед индивидуальным и государственным предприятиями использует ключевое в его концепции понятие «*групповой*

индивидуальности»: «...современное экономическое общество может быть понято лишь как синтез групповой индивидуальности, вполне успешно осуществленный организацией (корпорацией. — В. Ч.). Эта новая индивидуальность с точки зрения достижения целей общества намного превосходит личность как таковую и обладает по сравнению с ней преимуществом бессмертия»¹. Индивидуальный предприниматель в современной промышленности не может учесть всего потока поступающей нужной для производства информации и принять правильное решение, требующее специальных научных и технических знаний. Государственное же предприятие оказывается под административным давлением решений не всегда компетентных и не имеющих опыта и соответствующих знаний чиновников, не способных оценить нужную информацию и возможности предприятия. Поэтому Гэлбрейт не относит государственную собственность на средства производства и централизованное планирование к элементам социализма, которые «спонтанно» возникают внутри капиталистической системы, вырастают естественным образом из нее самой, а не путем копирования и переноса опыта социалистических стран, прежде всего СССР. По логике Гэлбрейта, последний путь означал бы не конвергенцию капитализма и социализма, а поглощение капитализма советским социализмом, скроенным по меркам марксизма, с которым Гэлбрейт не был, мягко говоря, солидарен. Вместе с тем мы не можем, я полагаю, отвергать то движение (точнее, отрезок движения) к социализму, которое увидел Гэлбрейт. В этой связи нельзя не вспомнить некоторые цитаты из работ В. И. Ленина по теории монополистического капитализма (империализма). Выясняя в 1916 г. особенности высшей стадии капитализма и ее историческое место, он настойчиво указывает на «черты *переходной эпохи* от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу...», на то, что сама монополия, вырастающая из свободной конкуренции, «есть *переход* от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу» [Ленин, с. 385, 420], т.е. к социализму. Ленин фактически пролонгирует формулу К. Маркса из 3-го тома «Капитала», к более высокой, чем та, современником которой был Маркс, характеризовавший корпоративную форму капиталистических предприятий как *переходную* к строю «ассоциированных производителей», как уничтожение индивидуальной частной собственности на средства производства самим капиталистическим способом производства [Маркс К. Капитал, т. 3, с. 479]. Но переходность в данном случае не означает выхода из си-

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. — М.: Прогресс, 1969. — С. 101. Гэлбрейт цитирует в качестве эпиграфа к главе VI высказывание американского летчика-космонавта Р. Гордона: «...Преобладание групповых, а не индивидуальных действий составляло отличительную черту организации управления в крупной корпорации». Там же. — С. 100.

стемы капитализма, поскольку корпоративная собственность возникает на почве капиталистических производственных отношений, основным из которых является отношение капитала и наемного труда. В отличие от Маркса и Ленина Гэлбрейт подобные переходные формы называет уже социалистическими, вырастающими в системе капитализма. Более того, они являются той частью данной системы, которая представляет в ней элемент социализма, да еще такой, который вытесняет рыночную систему, не отвечающую требованиям техно-организационного развития экономики, т.е. прогрессу производительных сил. В концепции Гэлбрейта такой представитель социализма — «*плановая система*», субъектом которой является не государство, а корпорация. Планирование своих действий служит корпорациям средством ведения конкурентной борьбы друг с другом, т.е., по существу, является формой «неполной плановости» в рамках «рыночной системы». На эту тему В. И. Ленин выразил свою точку зрения в работе «Государство и революция», написанной в августе — сентябре 1917 г. (почти в одно и то же время, что и известная работа «Грозящая катастрофа и как с ней бороться?») и опубликованной в 1918 г. В. И. Ленин поддержал мысль Ф. Энгельса о том, что в связи с появлением монополистических объединений типа трестов «прекращается не только частное производство, но и отсутствие плановости». Однако В. И. Ленин заметил, что 1) «полной плановости, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать», 2) учет и регулирование размеров производства подчинены интересам «магнатов капитала», поэтому «мы остаемся все же при *капитализме*» [Ленин. ПСС, т. 33, с. 67—68]. Оставались и в 60-х гг., остаемся и сейчас, в том числе в России. Гэлбрейт фактически (если не формально, а по существу определять его позицию), как и Ленин, хотя с иными аргументами, выступает против утверждений некоторых левых течений, будто монополистический капитализм и тем более государственно-монополистический капитализм как более высокая его ступень по азимуту роста обобществления экономики уже *не* капитализм, скорее *государственный социализм*. Кстати, такую версию в отношении советской системы поддерживал ряд российских экономистов-теоретиков и историков в годы перестройки и перехода от плановой к рыночной экономике. Проект конвергенции Гэлбрейта не приемлет такую трактовку, потому что, во-первых, он — оппонент государственной собственности на средства производства, государственного вмешательства в организацию непосредственного производства, в практическую деятельность корпораций; во-вторых, в его модели смешанной двухсистемной экономики сохраняется капиталистический способ производства как ее основание и адекватный ему рыночный механизм хозяйствования. Ленин же считал указанные утверждения реформистскими, приукрашивающими капитализм, освобождающими его от эксплуатации людей труда при со-

хранении частной (индивидуальной и корпоративной) собственности на средства производства, покоящимися на общечеловеческих ценностях, принципах демократии и социальной справедливости. Вместе с тем Ленин полагал, что эволюция капитализма к состоянию государственно-монополистического капитализма прогрессивна в историческом смысле, поскольку приближает развитие общества к социализму. «Государственно-монополистический капитализм, — написал он в «Грозящей катастрофе и как с ней бороться», — есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой и социализмом *никаких промежуточных ступеней нет*» [Ленин. ПСС, т. 34, с. 193].

Гэлбрейтом введено понятие «*техноструктура*». Это менеджеры — квалифицированные специалисты, управляющие корпорацией. Поскольку они принимают хозяйственные решения, а не акционеры — члены акционерного общества, каковым является в большинстве случаев корпорация (фирма), власть принадлежит, утверждает Гэлбрейт, управляющим, техноструктуре, но они не являются собственниками корпорации. Не являются (добавим мы) фактически ее собственниками и акционеры вообще, хотя формально признаются таковыми как собственники акций. Юридическим собственником акционерного капитала является корпорация. В таком толковании проглядывает очевидное идейное наследие Т. Веблена с его концепцией акционерной собственности как «исчезающей» и превращения индивидуальных капиталистов в «праздный класс». Вместе с тем Гэлбрейт как-то обходит вопрос о контрольном пакете акций в руках отдельных акционеров — «магнатов капитала», дающем им право реально влиять на решения, принимаемые корпорацией, и на получение соответствующих доходов. Тем самым он игнорирует не только их участие во «власти», но и экономическую реализацию права собственности этих акционеров в присвоении существенной доли распределяемой части прибыли в виде соответствующих дивидендов¹. Но и при отсутствии контрольного пакета акций вхождение в советы директоров и «внешнее» влияние на формирование совета директоров корпораций, особенно государственных (как показывает ситуация в России), открывает дорогу к клондайку обогащения за счет разных «премий», «бонусов» и оказывает решающее влияние на политику корпораций в области формирования

¹ С. М. Меншиков, тесно сотрудничавший с Джоном К. Гэлбрейтом и даже совместно с ним выпустивший книгу «Капитализм, социализм, сосуществование» (М.: Прогресс, 1988), в статье-некрологе «Великий Гэлбрейт. Слово прощания», переизданной сейчас в книге «Гэлбрейт: возвращение», сообщает (с. 422) о своем несогласии и критике в советском еженедельнике «За рубежом» тезиса Гэлбрейта о том, что истинным хозяином корпораций являются не крупные акционеры — владельцы миллиардных личных состояний, а «техноструктура» (менеджеры).

института управляющих, а также планирования. Полагаю, что позиция Гэлбрейта — объективно все же апологетическая в отношении крупного олигархического капитала не только США 60-х гг. прошлого века и настоящего времени, но и современной России. Как прикрывающая и оправдывающая глубокое социальное неравенство в обществе, особенно в российском варианте грабительской приватизации 90-х гг. она в силу своей антигуманной социально-классовой сущности заслуживает осуждения абсолютным большинством гражданского общества и не должна применяться в качестве оценочного критерия в теоретической и политической деятельности на пути к обществу социальной справедливости. На первых порах целевая функция развития российского общества могла бы исходить хотя бы из принципов так и не осуществленного в капиталистическом мире главного лозунга Великой французской революции — *«свобода, равенство и братство»* в соединении с осуществляемым в той или иной мере в ряде стран на всех континентах разновариантным проектом *«социально ориентированной рыночной экономики»* с учетом национальной специфики [Кроуфорд, Автономов, Вольгемут и др.]. Противники этой модели уверяют о ее несостоятельности, указывая, в частности, на опыт Германии, Швеции и других стран из-за растущего в них иждивенчества и бюрократизации социально-общественных отношений. Однако более сильным аргументом в пользу их систем является то, что по данным за 1999 г. они уже тогда занимали соответственно 14 и 16-е места в мире по уровню жизни, в то время как Россия находилась на 40-м месте, а ВВП на душу населения по ППС в долл. США в них в четыре раза превышал российский показатель [Госкомстат, 24.11.2017]. Пример этих стран мог быть учтен на финише постсоветского переходного периода в России.

Версию Гэлбрейта конвергенции капитализма и социализма было бы неоправданно ограничить идеями его юбилейной книги «Новое индустриальное общество». В 1973 г. он издал новую книгу «Экономические теории и цели общества», изданную в СССР в 1978 г., в которой продолжил разработку своей теории конвергенции, опирающейся на представление о том, что современный капитализм и существующий социализм — лишь *«разновидности современного индустриального общества»*. Их экономика *сближается* как по линии *организации* производства (крупные корпорации и производственные объединения), так и по линии *форм хозяйствования* (использование планирования в условиях рыночных отношений). С одной стороны, капитализм вводит и усиливает планирование как объективную потребность современной промышленности (индустрии), признавая тем самым историческую ограниченность рыночного механизма. Не коммунисты, а техника требует плана — таков смысл его тезиса. Гэлбрейт — первый политэконом-немарксист, заявивший об этой объективной необходимости. Но его вторая книга поменяла акценты по сравне-

нию с первой и, более того, сделала шаг назад в его главной концепции. И это существенно отразилось на вступительной статье и предисловии, написанных учеными ИМЭМО АН СССР к их русским изданиям. Если первая книга во вступительной статье получила, в общем, весьма положительную и даже высокую оценку с некоторой спокойной полемикой по поводу отдельных суждений автора, то вторая книга небезосновательно, на мой взгляд, подвергнута в предисловии критике почти по всем основным позициям и отмечена положительно лишь по отдельным тезисам автора¹. К сожалению, авторы книги «Гэлбрейт: возрождение» или в большинстве случаев вообще не упоминают вторую книгу, или весьма бегло высказываются о некоторых ее положениях в контексте развития теории нового индустриального общества. Между тем при сопоставлении обеих книг невозможно не обратить внимания на следующие моменты, которые не замечены или не акцентированы в указанных публикациях.

1. Уже в первой книге Гэлбрейт различает в американской экономической системе «две части», которые качественно отличаются друг от друга, — «мир корпораций», называемый им «индустриальной системой», и «сфера деятельности тысяч мелких традиционных собственников», функционирующих в условиях рыночных законов. «Но не эта сфера, — настаивает Гэлбрейт, — представляет сердцевину современной экономики... и главную арену перемен», самая очевидная из которых «применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства» [Гэлбрейт, с. 35, 41 и др.]. Эту «серцевину», «существенную часть» представляет не рыночная, а «*плановая экономика*», определяющая, по Гэлбрейту, характер *всей* экономической системы США. Хотя эта система, получается, двойственная, приоритет в определении ее природы принадлежит плановости и вместе с тем усилению регулирующей роли государства в разных направлениях. Согласно такому пониманию разворачивается полотно всей книги. Ее логика (при всей внешней хаотичности ее структуры), по существу, всецело подчинена раскрытию принципиально якобы новых черт капиталистической системы — возрастания роли плановых и уменьшения рыночных начал в самой развитой в мире индустриальной стране, показывающей пример другим странам. *Во второй книге мы видим другую логику.* Дело не только в том, что две *части* единой экономической системы стали признаваться как *две разные системы* («*рыночная*» и «*плановая*») со своими законами, целями и мотива-

¹ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. — М.: Прогресс, 1976. В числе авторов предисловия к этой книге не назван С. М. Меньшиков, который в 1970 г. перешел в Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. Его статья в книге «Гэлбрейт: возвращение» позволяет думать, что не перемена места работы является причиной его неучастия в написании предисловия к названной книге Гэлбрейта.

циями хозяйственного поведения производителей. Поскольку в разделе IV «Две системы» и в последнем разделе V «Общая теория реформы» не наведены «мосты» между разными системами, функционирующими на разных принципах, очевиден *методологический дуализм* самой концепции. Но дело еще и в том, что в этой книге применена принципиально иная, чем в первой книге, логика структурного построения, не соответствующая провозглашенным в первой книге приоритетам в понимании изменений природы экономической системы современного капитализма. «Планирующая система», которая в первой книге определена как «существенная часть» всей (полной) экономической системы страны, рассматривается *после* «рыночной системы», т.е. не как исходная, а как производная, «вторичная» часть капиталистической системы в целом. Это важная корректировка позиции Гэлбрейта, поскольку, *во-первых*, приводит ее к соответствию с тем, что «плановая экономика» в его концепции фактически сохраняет капиталистическое производство как высшую форму товарного производства, основанного на частной собственности на средства производства (единоличной и корпоративной), т.е. рыночной экономики, отношения наемного труда и капитала (как «господствующей силы буржуазного общества»), прибыль как целевую установку любого вида капиталистического хозяйствования, описывается исключительно категориями товарно-денежных отношений. *Во-вторых*, Гэлбрейт не только разрешает гносеологическое противоречие в своей собственной концепции, но и — что особенно важно — приводит ее в соответствие с реальным положением дел, характеризуя современную экономику США как рыночно-капиталистическую прежде всего, а не как воплощающую в себе симбиоз (интеграцию, соединение) капитализма и социализма. Тем самым главная концепция Гэлбрейта приходит к собственному отрицанию. Другое дело, что продвижение к социализму, как показывает история, может происходить и происходит разными путями, в том числе через различные *переходные* формы и в том числе в США. Книги Гэлбрейта дают ценный материал — эмпирический и теоретический — для анализа этого процесса.

2. Книга «Экономические теории и цели общества» написана после кризиса 1969–1971 гг., резко возросшей безработицы и инфляции (далее — «вторая книга»). И Гэлбрейт делает теперь акцент на негативных сторонах капитализма, критикует крупные корпорации за игнорирование национальных интересов, за растрату природных богатств, загрязнение окружающей среды, за непринятие мер по выравниванию доходов населения. Вместе с тем он существенно корректирует свои выводы о различиях двух систем, указывая на то, что «сама по себе рыночная система, представляющая собой классическую комбинацию конкурирующих фирм и небольших монополий, довольно *стабильна*», напротив, «планирующая система при отсутствии государственного регулиро-

вания, *как правило, нестабильна*» [Гэлбрейт, вторая книга, с. 229]. Этот вывод имеет, конечно, принципиальное значение для завершающей характеристики концепции Гэлбрейта. Вместе с тем он корректирует свои прогнозы, которые даны в последней, XXXV главе первой книги. Суть этих прогнозов состоит в дальнейшем развитии тех явлений, которые уже стали, по мнению Гэлбрейта, доказанным фактом: «Планирование, правительственный контроль, государственная поддержка и социализм», а также «тенденции к конвергенции индустриальных обществ», сложившиеся в США и социалистических странах «советского типа» [Гэлбрейт, первая книга, с. 452–454]. Теперь же он говорит о том, что планирующая система как система корпораций самих по себе неспособна на *координацию* их деятельности (отсюда и отсутствие стабильности), и эту функцию, которая вытекает из логики планирующей системы, возьмет (должно взять!), пишет Гэлбрейт, государство, и «оно распространит всеобщее планирование на планирующую систему» [Гэлбрейт, с. 396]. Более того, Гэлбрейт прогнозирует создание «*государственного планового органа*» [там же, с. 397] (американский Госплан?!), который будет отражать, полагает он, не интересы самого планирования, а общественные интересы. Однако остается неясным, как и будет ли вообще в этот процесс включена «стабильная» рыночная система. Внутреннее противоречие самой концепции, дуализм проектируемой системы экономики только усиливаются, поскольку рыночная система сохраняется в ней как исходная часть. Но Гэлбрейт на этом не останавливается и выходит на признание необходимости координации между *национальными* планирующими системами и соответственно *международным планированием*. Тем самым вопрос о противоречии и координации двух систем переносится фактически на уровень мировой экономики. Это, конечно, принципиальная постановка вопроса. Но в книгах Гэлбрейта он специально не анализируется.

3. В первой книге к вопросу о социализме как одном из ключевых понятий теории конвергенции Гэлбрейт обращается в разных местах, есть небольшая IX глава с названием «Отступление от темы: о социализме», но затрагивает его фрагментарно и точного собственного представления о нем ни с гносеологической (идеологической, социально-философской, структурно-логической, исторической), ни с онтологической как существующей объективной реальности не дает. Вторая книга в большей мере продвигает в этом отношении освещение позиции автора. Имеется специальная глава XXVII «Социалистический императив», в которой введены два, принципиально различающихся понятия социализма — «*старый*» и «*новый*» [Гэлбрейт, вторая книга, с. 347]. Старый социализм, существовавший еще до Второй мировой войны, в отличие от нового, возникшего в современных (читай — «послевоенных») условиях, «допускал» идеоло-

гическую трактовку. Новый же социализм «не имеет идеологического характера, — пишет Гэлбрейт, — он навязывается обстоятельствами», значит, не имеет и научного обоснования, т.е. не нуждается в теории научного социализма, хотя пробивает себе дорогу как объективная необходимость. В этом пункте Гэлбрейт позиционирует себя фактически, хотя и не формально, как противник марксистской социальной философии при том, что твердо стоит, по сути, на материалистическом объяснении прихода нового индустриального общества и вместе с ним «нового» социализма в капиталистическом мире. Констатируя факт и причины неприятия социализма в США не только главными политическими партиями, техноструктурой корпораций, падения интереса к социализму даже у рабочих, у профсоюзов, Гэлбрейт указывает на то, что в Западной Европе и Японии «социализм» является не «бранным», а даже «возвышенным» (!) словом (60-е гг.), хотя практически дело обстоит так же. Однако настоятельность нового социализма, не реализованная в США в форме подчинения частных корпораций, находящихся в рыночной системе, государству, осуществляется в отсталых в техническом отношении отраслях социальной сферы (здравоохранение, жилищное строительство, пассажирский транспорт, образование), сельского хозяйства, искусства. Да и крупные частные производственные корпорации усиливают свое взаимодействие с государственным аппаратом, работают на правительство. Гэлбрейт предсказывает их будущее преобразование в полностью государственные корпорации. Таким образом, новый социализм в концепции Гэлбрейта получает развитие — это строй крупных корпораций, частных и государственных (государственная собственность на средства производства), возникающий на базе новой индустриальной системы как планирующая система, осуществляющая планирование экономики на уровне корпораций и государства. Такое понимание нового социализма (на почве и капитализма) не приложимо к определению современного общественно-экономического строя современной России, поскольку в стране, во-первых, пока еще не создана «новая индустриальная система», во-вторых, не сформирована планирующая система, в том числе ее важнейшая часть — система стратегического планирования, государственный закон о которой принят в 2014 г.

4. В первой книге Гэлбрейт предложил заслуживающий внимания анализ изменений, произошедших в положении *ученых и педагогов*, существенного возрастания роли этой «прослойки» в экономическом и культурном развитии нового индустриального общества в США. Размышления на данную тему в главе XXV с названием «Сословие педагогов и ученых» могут представить большой интерес в связи с оценкой сегодняшней ситуации, определением целей и поисками путей стратегического социально-экономического развития России. Во второй книге Гэлбрейт обращается

к предмету и выяснению *функций экономической теории*, правда, не выделяя в ней различных областей и направлений исследования, но связывая ее задачи с проблемами дальнейшего развития индустриальной системы. Находясь на старте (или в ожидании старта?) новой индустриализации, Россия озабочена ролью науки, в том числе экономической, и образования (подготовки кадров) в ее эффективном обеспечении. Что касается предмета экономической теории, то Гэлбрейт, в общем, опирается на известные по научной и учебной литературе неоклассические определения Л. Роббинса и П. Самуэльсона, согласно которым «экономическая теория изучает поведение людей», принимающих решения по производству товаров и оказанию услуг для достижения поставленных целей при ограниченных ресурсах и т.д. Вместе с тем он обращает внимание на то, что такие определения не раскрывают, а, напротив, прикрывают факт подчинения людей организациям (фирмам, корпорациям), принимающим хозяйственные решения, т.е. обладающим властью и возможностью влиять на экономическую теорию [Гэлбрейт, вторая книга, с. 28–30]¹. Есть резон добавить к этому также указание на широкие возможности такого влияния и государства, правительства, примеры чего легко найти и в нынешней российской практике. В связи с этим Гэлбрейт рассматривает вопрос и о *функциях экономической теории*. Первую функцию он называет «инструментальной»: «Содействие, которое экономическая теория оказывает осуществлению власти», ...она «служит... целям тех, кто обладает властью (т.е. принимает решения) в этой системе», «помогает установить нормы поведения и деятельности — в работе, потреблении, сбережении, налогообложении, регулировании». Вторая функция — «*объяснительная*». Это «более древняя, более традиционная, более научная функция», заключающаяся «в стремлении понять реальное положение вещей», служащая «пониманию или улучшению экономической системы» [там же, с. 31]. Гэлбрейт, не называя имени, прозрачно намекает на то, что именно неоклассическая теория (экономикс) обречена на выполнение инструментальной, т.е. практически — прикладной роли. Объяснительная же функция — традиция классической политической экономии, изучающей, по завету А. Смита, «природу и причины богатства народов», выясняющей сущность и формы ее проявления. Гэлбрейт прямо заявляет о своей приверженности именно к этой традиции. Другой вопрос — удалось ли ему осуществить такое возвращение в анализе современного капитализма. Частично, полагаю, *удалось*. Тогда, когда он стихийно-материалистически пытается доказать переходный к социализму процесс в ин-

¹ Нельзя не заметить, что Гэлбрейт, выступая во многих случаях оппонентом неоклассической экономической теории, принимает в других случаях, проявляя непоследовательность, важнейшие элементы ее философии и методологии.

дустриально-развитых капиталистических странах, зарождение внутри них реальных элементов планового управления рыночной экономикой. *Не удалось*, поскольку Гэлбрейт не проникает в глубь экономических отношений нового индустриального общества, не выясняет различий между материальным производством и сферой услуг, между стоимостью товаров и ценой, природу денег, капитала, отношения труда и капитала, источник заработной платы и прибыли, процента, земельной (природной) ренты, роль финансового и фиктивного капиталов и др. Вместе с тем Гэлбрейт не позиционирует свою концепцию «нового социализма» адресно в отношении к различным основным течениям социализма в прошлом и настоящем, особенно к тем, которые пытались связать свою экономическую платформу с учением классиков политической экономии, т.е. реализовать «объяснительную функцию», по терминологии Гэлбрейта. Но он фактически прошел мимо «Капитала» и других произведений К. Маркса, «Анти-Дюринга» и других работ Ф. Энгельса, «Финасового капитала» Р. Гильфердинга и выступлений других известных западных социал-демократов, «Империализма как высшей стадии капитализма» и других работ В. Ленина, русских народников, советских теоретиков политической экономии капитализма и социализма и др., не полемизируя с ними и не упоминая их даже в примечаниях.

Актуализация проблемы новой индустриализации экономики и ее специфика в России

Проблемная группа «Воспроизводство и экономический рост» кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова еще в начале 90-х гг. в связи с развертывающимся трансформационным кризисом, порожденным переходом от советской плановой экономики к российской рыночно-капиталистической и наполовину разрушившим через приватизацию промышленность — кузницу воспроизводства индустриальной базы всего народного хозяйства, т.е. средств труда (машин и оборудования), обращала внимание на возникшую проблему необходимости ее *восстановления*, т.е. реиндустриализации. О восстановительной проблеме говорили и адепты реставрации капитализма. Эта общая постановка вопроса не связывалась с концепцией формирования «нового индустриального общества» Гэлбрейта, но выражалась в двух противоборствующих версиях теоретического и политического противостояния в первой половине переходного периода. Либеральные теоретики новой власти исходили из того, что советская промышленность, отстав от достижений мирового научно-технического прогресса, безнадежно устарела, ее основные фонды модернизации не подлежат, их нужно менять на иную, новую технику, вводить новейшую технологию, ломать

неэффективную организацию производства, перестраивать пропорции национальной экономики. С такой установкой связывалось даже обоснование порочности, тупиковости плановой системы, необходимости ее замены рыночной системой, возвращение к капитализму. Вторая книга Гэлбрейта «Экономические теории и цели общества» (напомню — 1973 г.) в каком-то смысле в некоторой части объективно подталкивала к такой идеологии, хотя сам Гэлбрейт, делая шаг назад, до таких крайних выводов не доходил, а наши доморощенные либералы к нему не апеллировали. Что касается сторонников планового социализма, то реиндустриализацию они видели «здесь и сейчас» как: а) немедленное оживление полумертвых «заснувших» предприятий, оказавшихся в руках приватизаторов, через де-приватизацию и повышение эффективности управления ими с использованием товарно-денежных отношений с адекватными им категориями, б) поворот к максимально возможному при наличных материальных, трудовых, научных, природных и финансовых ресурсах созданию собственного производства, — что требует длительных сроков реализации, — и расширению импорта новейших образцов техники и технологий при отсутствии своих возможностей для самостоятельной реиндустриализации. Таков первый аспект идеи новой индустриализации.

Второй аспект обозначился в материалах проблемной группы «Воспроизводство и экономический рост» в начале нового столетия в связи с проблемой так называемой «*новой экономики*». Дискуссия развернулась в мировом масштабе, в кругах российских ученых и практиков, на экономическом факультете МГУ, который организовал серию из шести ежегодных международных научных конференций под общим названием «Инновационное развитие экономики России» с дополнительной ежегодной конкретизацией общей темы (2008–2013 гг.). Проблемная группа предложила обобщающее определение новой экономики как этапа современной мировой экономики, который характеризуется рядом признаков и в который в качестве детерминатора включается «новая индустриализация» [Черковец, 102].

Третий аспект разработки проблемы новой индустриализации связан с критикой быстро распространявшейся среди экономистов-полумарксистов западной социологической концепции «постиндустриального общества», в полосу которого якобы вступили не только индустриально-развитые страны, но уже вползает со своей ослабленной экономикой и Россия. Исследование новых, «инновационных» процессов не должно отрываться от реалий, а именно от того, что, во-первых, современная экономика — тем более российская экономика — продолжает оставаться преимущественно индустриальной (а в некоторой части даже доиндустриальной), а во-вторых, именно индустриальный базис является фундаментальной материальной основой современного развития «постиндустриальных»

процессов, таких, например, пионерных инноваций, как новейшие информационные системы, биотехнологии и нанотехнологии.

Говоря в целом о переходе России к новому этапу экономического развития, было бы ошибкой не в пользу национальной экономики замыкать этот многотрудный процесс только учетом высших мировых достижений научно-технического прогресса вне соединения их с национальной *конкретно-исторической спецификой страны, ее экономики и особенностями ее проблем в современной ситуации*. Остается нерешенной, как сказано выше, и задача *полного завершения «восстановительного» периода*, компенсации огромных потерь, понесенных в годы перестройки и особенно реформ 90-х гг., в результате тяжелейшего трансформационного кризиса 90-х гг., приведшего к снижению жизненного уровня огромной части населения. Третья из нерешенных и звучащих на всех форумах фундаментальных проблем, тормозящих переход к инновационной экономике, — это *преодоление сырьевой ориентации экономики*, что требует быстрого восстановления и дальнейшего роста обрабатывающей промышленности. Исходя из этого, есть все основания полагать, что в концепции социально-экономического развития России не только на ближайшие шесть лет, но и на более дальнюю перспективу объективно обозначается линия не только инновационного развития экономики, а одновременно и линия на компенсацию поистине астрономических потерь, понесенных в конце прошлого века, а также линия на существенное преобразование структуры народного хозяйства. Иначе говоря, вектор развития должен включить все эти линии во взаимодействие.

Некоторые авторы придерживаются иной точки зрения (см., например, статью [Губанов, с. 46] главного редактора журнала «Экономист» (2017, № 3) «Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения)». Автор категорически отрицает понимание сущности новой (нео) индустриализации как *продолжение* исторического процесса замены ручного труда трудом, применяющим машину вместо ручного инструмента как главного орудия производства. Он считает, что этот критерий справедлив лишь для первой, предыдущей фазы индустриализации, а нынешняя фаза — это «цифровая и технотронная», не раскрывая, как и все СМИ и даже официальные документы, смысла этих понятий [Губанов, с. 46]. Разрывая связь между второй и первой фазами, он не объясняет, между прочим, сохраняется ли при этом ручной труд, что вообще происходит с трудом — меняется ли его характер или он вообще выводится из процесса производства. Видимо, конечным результатом длительного процесса замены ручного труда машинным будет качественное изменение его характера, превращение его в творческий труд, чему будет содействовать введение непосредственно в технологический процесс информационных технологий. Автор забывает (или не разделяет) метод единства исто-

рического и логического, когда он замену ручного труда машинным относит лишь к начальной фазе индустриализации и не видит того, что все последующие фазы продолжают этот исторический процесс, сохраняя первичную форму как генетически исходную, и через смену машин и соответствующих технологий более совершенными, через комплексную механизацию и полную автоматизацию производства завершает эпоху индустриализации. В основе перехода в постиндустриальную эпоху (а это будет не словесная, а действительная революция в материальном производстве) может лежать не изобретение систем новых конструкций *машин*, а открытие и введение систем принципиально *нового типа средств труда и соответствующих технологий*. Не введение новых двигателей и новых трансмиссионных систем, а то средство («орудие», процесс), с помощью которого человек, даже выходя из непосредственного процесса производства, изменяет предмет труда (естественного или сырого материала), придавая ему форму, полезную для производственного или личного потребления, является той революционной переменной в способе производства, которая *логически сопоставима* с первой промышленной революцией конца XVIII—XIX вв. Все остальные техно-технологические фазы, ступени, уклады характеризуют изменения в производительных силах машинного производства, историческая миссия которого — вытеснение из непосредственного производства материальных благ ручного труда. Не видя этого, автор к тому же *полностью абстрагируется от специфической ситуации в России* и жестко занимает позицию трактовки неоиндустриализации как международной проблемы («для всех стран мира», с. 44). Между тем эта проблема обострилась в России как реакция на деиндустриализацию, как необходимость восстановления разрушенной методом приватизации созданной невероятными усилиями в СССР промышленности, повторяя ситуацию 20—30-х гг., а затем послевоенную ситуацию второй половины 40-х гг. Можно согласиться с С. Д. Бодруновым, когда он интерпретирует неоиндустриализацию как *реиндустриализацию*, т.е. и как восстановление разрушенного [Бодрунов, 2015]. Бесспорно, нынешний новый этап индустриализации объективно выдвигает задачу восстановления экономики в 90-гг. с максимально возможным внедрением новой современной технологии, но для этого нужны огромные финансовые, новые технические и людские ресурсы. Такое направление современной индустриализации в России можно, конечно, считать ведущим, поскольку оно реализует достижения продолжающегося мирового научно-технического прогресса, но в рамках пока еще индустриальной эпохи. Однако специфика российской ситуации не может быть индифферентной для экономической политики, стоящей перед необходимостью решения *триединства* проблем, критикуемого автором указанной статьи, отступающим от принципа единства общего и специфического и не со-

знающим того, что одной апелляцией к научно-техническому прогрессу он оправдывает преступный разгром советской промышленности, учиненный по идеологическим мотивам.

В реальной ситуации российской экономики, перегруженной *импортозависимостью* вследствие потерь 90-х гг. в материальном производстве, его отставанием в техно-технологическом отношении, неразвитостью медицинской, фармацевтической и некоторых других отраслей обрабатывающей промышленности, крайне обострилась проблема *импортозамещения* в результате санкционной агрессии со стороны ведущих западных стран и их сателлитов. Необходимы не только декларации, но и государственная программа импортозамещения, разработанная на основе выполнения точных поручений соответствующим организациям. А для этого необходимы расчеты, чем располагают регионы, отрасли народного хозяйства, виды экономической деятельности в тех областях, на которые нацелены запретительные санкции, с выяснением, какая запрещаемая импортируемая продукция не может вообще в среднесрочной и ближайшей перспективе быть замещена, какие необходимо разработать долгосрочные проекты, какие другие страны могут «выручить» Россию немедленно по тем позициям, которые она не может реализовать, и т.д. Такой схемы и плана реализации импортозамещения с научным экономическим обоснованием в настоящее время в России еще нет. Судя по СМИ, подобных официальных документов нет и в регионах — субъектах Федерации. Возможно, такого рода утвержденные разработки целесообразны и для федеральных округов, внутри которых могут быть организованы и находиться под контролем внутриокружные межобластные обмены и межокружные связи, работающие на импортозамещение. Проводятся некоторые мероприятия на региональном и федеральном уровнях по линии отдельных федеральных целевых программ, которые могли бы войти в специальную комплексную программу по импортзамещению, как особую интегральную часть разрабатываемой стратегии социально-экономического развития России. Через *импортозамещение* и частично через возможный в будущем *импорт* нового типа машин, соответствующего оборудования, новейших технологий, которые пока российская промышленность не в состоянии создать, могла бы осуществляться и политика новой индустриализации, направленной на создание материально-технической базы, адекватной обновленной, пока еще не имеющей, к сожалению, ясных очертаний экономической модели России. Представляется, что процессу реализации всей государственной программы должны предшествовать изменения в *хозяйственно-институциональной сфере*, той части общественно-экономических отношений, которые образуют хозяйственный механизм экономической системы и непосредственно поддаются правовому регулированию. Такие изменения должны, несомненно, войти в тот же проект.

Список литературы

1. *Аганбегян А. Г.* Как нам преодолеть стагнацию // Вольная экономика. — 2017. — № 1.
2. *Бодрунов С. Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России. В 2 ч. — СПб., 2015.
3. Всемирная история экономической мысли. Т. 5 «Теоретические и прикладные концепции развитых стран Запада (послевоенный период)». — М.: Мысль, 1994.
4. *Губанов С. С.* Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения) // Экономист. — 2017. — № 3.
5. Гэлбрейт: возвращение / под ред. С. Д. Бодрунова. — М.: Культурная революция, 2017.
6. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. — М.: Прогресс, 1969.
7. *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. — М.: Прогресс, 1976.
8. История экономических учений: учебное пособие / под ред. В. С. Автономова и др. — М.: ИНФРА-М, 2000.
9. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Прогресс, 1975.
10. *Кроуфорд К., Автономов В. С., Вольгемут М.* и др. Социальное рыночное хозяйство. Основоположники и классики. Фонд Конрада Аденауэра в России. — М.: Весь мир, 2017.
11. *Кругман П.* Возвращение Великой депрессии? — М.: ЭКСМО, 2009.
12. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. — Т. 34. — С. 193.
13. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. — Т. 25. — Ч. I.
14. *Пороховский А. А.* Злоупотребление частными интересами // Мир перемен, специальный выпуск «Московский экономический форум», 2015.
15. *Стиглиц Дж.* Крутое пике. — М., 2011.
16. *Худокормов А. Г.* История экономических учений. — М.: ИНФРА-М, 1998.
17. *Черковец В. Н.* Размышления о прошлом и настоящем. Очерки политической экономии. — М.: РГ-Пресс, 2015.
18. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995.
19. Энциклопедия «Политическая экономия» / под ред. акад. А. М. Румянцева. Т. 2, статьи «Индустриальная социология» и «Индустриального общества теория». — Издательство «Советская энциклопедия», 1975.
20. Росстат. Официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru>

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aganbegian A. G.* Kak nam preodolet' stagnaciju // Vol'naja jekonomika. — 2017. — № 1.
2. *Bodrunov S. D.* Formirovanie strategii reindustrializcii Rossii». V 2 ch. — SPb, 2015.
3. Vsemirnaja istorija jekonomicheskoi mysli. T. 5 «Teoreticheskie i prikladnye koncepcii razvityh stran Zapada (poslevoennyj period)» — M.: Mysl', 1994.
4. *Gubanov S. S.* Neoindustrializacija: k voprosu o «voprose» (nekotorye utocnenija) // Jekonomist. — 2017. — № 3.
5. Gjelbrejt: vozvrashhenie / pod red. S. D. Bodrunova. — M.: Kul'turnaja revoljucija, 2017.
6. *Gjelbrejt Dzh.* Novoe industrial'noe obshhestvo. — M.: Progress, 1969.

7. *Gjelbrejt Dzh.* Jekonomicheskie teorii i celi obshhestva. — M.: Progress, 1976.
8. Istorija jekonomicheskikh uchenij: uchebnoe posobie / pod red. V. S. Avtonomova i dr. — M.: INFRA-M, 2000.
9. *Kejns Dzh.* Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg. — M.: Progress, 1975.
10. *Krouford K., Avtonomov V.S., Vol'gemut M.* i dr. Social'noe rynochnoe hozjajstvo. Osnovopolozhniki i klassiki. Fond Konrada Adenaujera v Rossii. — M.: Ves' mir, 2017.
11. *Krugman P.* Vozvrashhenie Velikoj depressii? — M.: JeKSMO, 2009.
12. *Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij. — T. 34. — S. 193.
13. *Marks K. i Jengel's F.* Soch. 2-e izd. — T. 25, chast' I.
14. *Porohovskij A. A.* Zloupotreblenie chastnymi interesami // Mir peremen, special'nyj vypusk «Moskovskij jekonomicheskij forum», 2015.
15. *Stiglic Dzh.* Krutoe pike. — M., 2011.
16. *Hudokormov A. G.* Istorija jekonomicheskikh uchenij. — M.: INFRA-M, 1998.
17. *Cherkovec V. N.* Razmyshlenija o proshlom i nastojashhem. Ocherki politicheskoy jekonomii. — M.: RG-Press, 2015.
18. *Shumpeter J.* Kapitalizm, socializm i demokratija. — M.: Jekonomika, 1995.
19. Jenciklopedija «Politicheskaja jekonomija» / pod red. akad. A. M. Rumjanceva. T. 2, stat'i «Industrial'naja sociologija» i «Industrial'nogo obshhestva teorija». — Izdatel'stvo «Sovetskaja jenciklopedija», 1975.
20. Rosstat. Oficial'nyj sajt. URL: <http://www.gks.ru>